

УДК 111.8

Начала генезиса значений

Демидов А.Б.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Излагаются основы теории значений, которую разрабатывает автор. Теоретический базис включает идеализированные понятия побуждений и представлений. Исходным пунктом генезиса всевозможных значений, которые придаются представлениям, являются изменения самочувствия деятельного существа по оси «хуже-лучше». Эти изменения – самое первое, чему индивид должен придать значение. Стремление от худшего к лучшему побуждает индивида искать и создавать соответствующие средства, которые становятся значимыми. Различаются два способа придания значений: по самочувствию и по смыслу. Теория значений образует основу для практически значимой теории оценивания. Философия ценностей до настоящего времени не смогла дать удовлетворительных ответов об онтологическом статусе ценностей и конкретизировать само понятие ценностей. Предлагаемая концептуальная разработка является альтернативой известным теориям ценностей.

Ключевые слова: значение, ценность, смысл, аксиология, представление, побуждение, самочувствие.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 82–104)

Beginnings of the Genesis of Values

Demidov A.B.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

Basics of the theory of values which is developed by the author are stated. The theoretical basis includes idealized concepts of promptings and representations. Starting point of genesis of every possible value, which is attached to representations, is changes of self-perception of active beings on the axis of “worse–better”. These changes are the very first thing to which the individual should attach significance. The aspiration from the worst to the best induces the individual to search and create corresponding means which become significant. There are two ways of giving values: according to self-perception and according to sense. The theory of values forms the basis for practically important theory of estimation. The philosophy of values could not give till now satisfactory answers about the ontological status of values and concretize the concept of values. The offered conceptual work is alternative to known theories of values.

Key words: meaning, value, sense, axiology, representation, prompting, self-perception.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 82–104)

Теоретические построения в современных социальных гуманитарных науках нередко апеллируют к понятию о «ценностях». Это понятие используют для понимания и интерпретации мотивов социальных действий людей, для осмыс-

ления направленности социально-исторических процессов, для обоснования методологии культурологических и исторических исследований. Среди философских дисциплин особенно тяготеют к опоре на понятие «ценностей» социальная

Адрес для корреспонденции: e-mail: ab-demidov@narod.ru – А.Б. Демидов

философия, этика, эстетика, а философия ценностей, или аксиология, сделала это понятие основным предметом своих исследований. Вместе с тем, остаются без удовлетворительного ответа прямые и откровенные вопросы о том, что такое «ценности», существуют ли они и, если да, то как. Типичные попытки ответа имеют примерно такой вид: ценности – это значимости; это то, что должно признаваться всеми, даже если в некоторые моменты их не признает никто. Одна из самых авторитетных попыток охарактеризовать ценности принадлежит Г. Риккерт: «Ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности» [1, с. 94].

Нельзя сказать, что такие толкования делают понятие ценностей вполне понятным. Некоторую конкретизацию вносит разве что слово «значимость» или «значение», используемое для характеристики сути «ценностей». Естественно, далее должен подниматься вопрос о том, что такое «значимость» или «значение». Но и с этим понятием слишком много неясностей.

Цель настоящего исследования – попытаться более внятно, чем это делалось прежде, ответить на вопрос, что значит «значить».

Материал и методы. Материалом исследования служат понятия философии ценностей и эмпирические данные специальных наук. Используются методы диалектической логики, трансцендентальной аналитики, феноменологии.

Результаты и их обсуждение. Есть основания полагать, что собственная психическая активность (в отличие от пассивной восприимчивости) возникает у человеческой особи еще в пренатальной стадии существования. Вместе с тем особь начинает придавать значения некоторым событиям. Нет никаких способов подсмотреть или подслушать начальные чувства и мысли особи или получить вербальные свидетельства у нее самой. Процесс начальной активации психики может быть только умопостигаемым, не наблюдаемым, тем не менее, суждения о

нем не должны быть произвольными гаданиями, а должны коррелировать с установленными фактами наблюдаемой активности плода.

1. Общий обзор генезиса значений. В публикациях СМИ, рассчитанных на массовую аудиторию, особенно будущих мам и пап и потенциальных клиентов абортариев, нередко приписывают вынашиваемому плоду удивительные способности чувствовать и слышать все, что происходит, чуть ли не размышлять о бренности бытия и судить о не всегда благочестивых помыслах матери и окружающих людей. Подобные домыслы не согласуются с неплохо изученным поведением новорожденного, который в первое время безучастен почти ко всему, кроме своего страдания от недостатка питания и комфорта. В таком случае было бы странно предполагать, будто плод уже умел быть внимательным и понятливым к внешним событиям, тогда как более взрослый и развитый новорожденный почему-то не проявляет этих способностей.

1.1. Пренатальная стадия психики. Не следует приписывать ребенку, младенцу, новорожденному, а тем более плоду или эмбриону, все те психические и мыслительные способности, которые находят в себе взрослые люди. Да и взрослые обладают ментальными способностями в разной мере. Мы полагаем, что способность особи придавать чему-то значения не дана ей от рождения или зачатия, а вырабатывается ею самой при определенных обстоятельствах.

Известно, что формирование элементов нервной системы человеческого эмбриона начинается на 14–15-й день после овуляции. На 22-й день, когда длина эмбриона достигает 3 мм, начинает формироваться нервная трубка. Между 21-м и 32-м днем происходит органогенез глаз и уха. В нервной трубке можно различить полушария головного мозга и мозжечка. Формируются нервы от двигательных областей спинного мозга и спинальных ганглиев. На 40–42-й день в области глаза начинается дифференцировка нервного слоя на различные ряды

клеток, развиваются структуры внутреннего уха, а длина эмбриона достигает 22 мм. К этому периоду относится начало двигательной активности человеческого эмбриона. Конец 8-й недели внутриутробного развития, когда длина человеческого эмбриона достигает 40 мм, масса – 0,5 г, принято считать окончанием эмбрионального и началом плодного периода. На 10-й неделе наблюдается рефлекторное движение губ, рефлекс сосания. На 12-й неделе, когда плод достигает 87 мм в длину и весит около 45 г, появляются дыхательные движения, а также рефлекторные движения пальцев в ответ на прикосновение. Специалисты высказывают мнение, что плод человека начинает чувствовать в возрасте 18–25 недель, однако нет доказательств, что до 30-й недели плод способен перерабатывать полученные ощущения. Имеются противоречивые данные о том, когда появляются болевые ощущения. Некоторые допускают, что у 6–8-недельного эмбриона проявляется способность реагировать на раздражение или причиняемую боль. Однако по другим данным и интерпретациям, чтобы плод испытывал ощущения необходимо сознание, которое, в свою очередь, опирается на связи между таламусом и корой головного мозга, а они появляются только на 23-й неделе после овуляции и еще не сформированы до 30-й недели [2].

Изучение органогенеза эмбриона и плода само по себе ничего не говорит о его психических способностях и активности. Когда к этим данным прибавляются данные наблюдений за поведением, можно более обоснованно судить о психической активности особи. Но и в этом случае психическая активность сама по себе не дана как факт, а лишь предполагается, допускается исследователями по аналогии с самими собой. Иного пути к пониманию психической жизни эмбриона и плода у нас нет.

Вопрос о том, когда человеческая особь (в стадии эмбриона, плода, новорожденного, младенца) начинает что-то чувствовать и сознавать, вызывает оживленные дискуссии. Этот вопрос

имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно заострившееся в связи с проблемой допустимости абортов. Суть проблемы в том, является ли аборт убийством человека (со всеми вытекающими юридическими последствиями), и с какого момента эмбрион или плод должен считаться человеком, имеющим право на жизнь, и чья жизнь защищена законом. Об актуальности проблемы свидетельствует тот факт, что спорят не только психологи, философы, медики, юристы, священнослужители, но и далекие от науки и законотворчества люди, потенциальные мамы и папы, непосредственно причастные и ответственные за принимаемые решения – это легко обнаружить на форумах в интернете. В дискуссиях используются многочисленные эмпирические данные о способностях и динамике развития человеческого эмбриона и плода. Чем больше приводится эмпирических данных, тем яснее становится, что сами по себе они не могут привести к общепризнанному решению проблемы, ключевую роль играют не эмпирические данные, а их интерпретации.

Для разработки концепции генезиса значений нужно выделить момент в существовании живого существа, когда этот индивид впервые придает чему-то значение. Говоря о «живом существе», которое придает значения, мы имеем в виду, прежде всего, конечно, человека потому, что только представители нашего вида прогрессируют в своей способности придавать значения разнообразнейшим предметам настолько далеко (в потенции – до бесконечности), насколько не способно развиваться ни одно другое существо известных нам видов. Поэтому развитие способности придавать значения именно у человека является шкалой, меркой для оценки способностей существ других видов. Ведь качества более развитого существа не могут быть измерены шкалой менее развитого существа, не содержащей в себе тех градаций, которые присущи более развитому существу. Тем не менее, говоря «живое существо» без указания вида этого существа,

мы подразумеваем, что вблизи начальной точки развития способностей придавать значения человеческая особь по своим способностям существенно не отличается от представителей множества других видов живых существ.

Нужно понять, как и при каких факторах начинается придание значений. Важно выделить именно первичные акты придания значений, потому что они имеют простейшую структуру, не осложненную переплетением необозримого множества факторов и связей, какая свойственна взрослому, многоопытному человеку.

Но действительно ли может быть такое состояние, когда человек способен чувствовать, не придавая ничему значения? Об этом невозможно спросить у младенца, новорожденного, а тем более у плода или эмбриона. И данные наблюдений «извне» – лишь косвенные свидетельства, которые можно интерпретировать по-разному. И все же у каждого взрослого человека есть опыт таких состояний, когда он способен чувствовать, не придавая ничему значения: его взору, слуху, осязанию, обонянию «открыты» какие-то формы, движения, цвета, звуки, запахи, но он не «внимает» им или их, не уделяет им внимания, безучастен к ним. И свое собственное состояние может быть не хорошим и не плохим, не удовольствием и не страданием, а безразличием, безмятежностью, апатией. Так бывает, например, в состоянии отрешенности, глубокой задумчивости, или в период перехода от сна к бодрствованию, когда у человека зрение и слух уже «открыты», но он еще «ничего не соображает», «не пришел в себя». Подобные состояния знакомы и тем, кто медитирует по методике йогов, достигает нирваны, т.е. намеренно вводит себя в состояние, когда он способен и думать, и чувствовать, но перестает придавать значение чему бы то ни было, т.е. прекращает деятельность по приданию значений.

1.2. *Придание значения изменению самочувствия.* Мы полагаем, что первый чувственный опыт, которому особь придает значение, состоит в различении из-

менений в собственном самочувствии. Самочувствие подвержено изменениям: оно может становиться хуже или лучше.

Трансцендентальный анализ понятия «придания значений» указывает, что простейшей, абстрактнейшей формой «придания значений» является акт не равнодушия, безразличия к чему-либо. Какие-то более конкретные и содержательные значения могут быть приданы чему-либо лишь при условии, что нечто принято во внимание, сделано предметом внимания. Безразличие, равнодушие к некоему предмету – свойство не самого предмета, а живого существа, которое почему-то обратило на него внимание.

Всякий раз, когда субъект становится безразличным к чему-либо, для этого находится мотив, основание, причина. Калан безразличен к камушку, который он таскает с собой, потому что им можно разбить раковину; он безразличен к раковине, потому что в ней скрывается моллюск; он безразличен к моллюску, потому что тот съедобен; калан безразличен к съедобным вещам, потому что в зависимости от того, поест он или нет, улучшается или ухудшается его самочувствие. На этом для калана завершается причинно-следственная, мотивационная цепочка: улучшение или ухудшение его самочувствия – «конечная причина» для того, чтобы он был безразличен к камушку и таскал его с собой под мышкой. Калан ничего не знает о процессах пищеварения, ассимиляции и диссимиляции, метаболизма, гомеостаза и т.п. – о тех процессах, ссылаясь на которые человек-ученый объяснял бы, почему у калана периодически улучшается или ухудшается самочувствие и почему периодически он чувствует голод. Но самому калану, как и любому другому способному чувствовать живому существу, нет нужды что-либо «знать» об этих процессах. Нет нужды предполагать, что калан имеет врожденное «знание» о значении камней или «инстинктивную» склонность к пользованию камнями. Вполне достаточно предположить, что калан чувствует изменения своего само-

чувствия, из-за чего он ищет и находит способы и средства для изменения своего самочувствия в лучшую сторону, становясь сначала безразличным к попадающимся вещам, а затем придавая особые значения тем вещам, благодаря которым удалось изменить свое самочувствие в лучшую сторону.

В изменении самочувствия особи нас, по всей видимости, больше должно интересовать изменение в сторону ухудшения, а не улучшения. Улучшение самочувствия особи скорее всего влечет покой, умиротворение или бесцельную активность просто от «избытка сил». Другое дело – ухудшение самочувствия. Оно может иметь количественные градации. При небольшом ухудшении наступает некоторое смутное и безотчетное беспокойство, которое нарастает при дальнейшем ухудшении, возбуждает хаотическую подвижность особи, а по достижении какого-то критического уровня беспокойство становится ужасом, хаотическая подвижность превращается в неудержимые панические метания, как, например, при ожоге или удушье. Возможно, что особь, не «зная» о способах и средствах избавления от страдания, все-таки посредством хаотической подвижности случайно, непреднамеренно достигнет какого-то избавления от страдания. По-видимому, эволюция живой природы выработала такой механизм хаотической подвижности организма в неблагоприятной ситуации, включающийся бессознательно и безотчетно, и человек от рождения снабжен им, как и другие живые существа.

1.3. *Придание значений времени, пространству, предметам.* Живой организм – открытая система, постоянно осуществляющая обмен веществ с окружающей средой и поддерживающая относительное динамическое постоянство внутренней среды (гомеостаз). В ходе метаболизма происходят колебания физических и химических параметров внутренней среды, которые не должны выходить за некоторые пределы. У высших животных и человека существенные или критические изменения параметров внутренней среды

сказываются на изменениях самочувствия особи.

Изменение самочувствия имеет длительность, совершается во времени. Допустим, в данный момент самочувствие особи «нейтральное», безразличное, умиротворенное. Затем появляется и нарастает какое-то неопределенное чувство угнетенности, вся определенность которого состоит в том, что особи становится хуже. Особь томится и ожидает, чтобы наступившего ухудшения не стало, чтобы вернулось состояние, которое было раньше. Все это дает особи представление о времени: во-первых, воспоминание и сравнение моментов «было лучше» и «стало хуже», во-вторых, ожидание изменения в лучшую сторону, в-третьих, длительность, тягучесть или скоротечность этого ожидания. Особь начинает придавать значение длительности и последовательности изменений самочувствия. Так представление о времени, которое И. Кант охарактеризовал как априорное, должно стать значимым для особи уже на ранней стадии психического развития. Кант не утверждал, как некоторые полагают, будто априорные представления, чувственные или рассудочные, являются «врожденными», но считал, что они вырабатываются самим субъектом. Чувственные априоры, время и пространство, по Канту, не даны в чувственном восприятии, не добываются путем «внешнего» опыта, но, напротив, являются его условиями, предпосылками, т.е. уже должны наличествовать у субъекта, чтобы «внешний» чувственный опыт был возможен.

Исходя из имеющихся данных, можно с уверенностью полагать, что человеческая особь уже в пренатальной стадии развития способна придавать значения некоторым событиям. Те феномены, которым придается значение на первых порах, имеют временной, но не имеют пространственного характера. Видимо, представление о пространстве должно возникнуть у особи позже, чем представление о времени.

Плод способен реагировать на изменения вкуса и запаха околоплодной

жидкости, на прикосновения или толчки на изменения освещенности и на звуки, но то, чему он придает значение, не имеет для него вида определенной вещи. Он придает значение изменениям своего самочувствия, происходящим под влиянием указанных воздействий, а не как-то вещам как источникам этих воздействий. Первые самочувствия плода не должны быть связаны с представлениями о пространственных формах вещей и отношений, но только с темпоральными формами.

Изменение самочувствия в худшую или лучшую сторону важно (значимо) само по себе, без его соотнесения с чем-то иным значимым, его значение не обусловливается значимостью чего-то иного. Сказанное не означает «абсолютной ценности» для особи ее собственного самочувствия. В ходе дальнейшего развития особь может приобрести способность пренебрегать собственным самочувствием ради того, чему она станет придавать более важное значение.

По-видимому, на первых порах особь, испытывая некритические ухудшения самочувствия, не совершает собственных действий для его улучшения, а ждет. Способность действовать еще должна быть выработана, освоена, понята. Возможность действовать ограничена, стеснена околоплодной средой. Плод все же имеет возможность сменить позу, двигаться. Движения плода сначала хаотичны и непреднамеренны, обусловлены чувствуемым неудобством, томлением. Но когда оказывается, что в результате непреднамеренных движений наступает какое-то улучшение самочувствия, особь начинает придавать значение своей способности к движениям, начинает хотеть их, пробует двигаться, сверяя свои пробы с изменениями своего самочувствия.

Появление особи на свет сопровождается резким ухудшением самочувствия. Прежде всего, страдание от удушья, которое разрешается благодаря первому крику. Следующие факторы, ухудшающие самочувствие, холод и голод. Новорожденный покинул лоно, в котором поддерживалась постоянная комфортная

температура, и остался без питания через пуповину. Страдание возбуждает конвульсивные, непреднамеренные сокращения мышц, проявляющиеся в крике и хаотической подвижности новорожденного. Улучшение его самочувствия и, соответственно, успокоение достигается благодаря заботе взрослых. Новорожденный должен быть укрыт от холода и согрет. Вместо питания, поступавшего «самотеком» через пуповину, теперь начинается преднамеренная деятельность по кормлению. Полагают, что новорожденному и даже еще плоду от природы присущ «сосательный рефлекс», т.е. непреднамеренное, автоматическое действие, совершаемое без того, чтобы младенец сам придавал ему значение и стремился его совершить. Тем не менее, в короткое время новорожденный должен придать ему значение, ожидать его и стремиться к нему, поскольку сосание груди ассоциируется с насыщением и улучшением самочувствия. Также и крик новорожденного из непроизвольного через некоторое время становится произвольным действием для привлечения внимания к себе.

Если представления о времени начинают формироваться у особи в связи с ожиданием изменений в самочувствии, то представления о пространстве начинают формироваться в связи с собственной деятельностью особи ради улучшения своего самочувствия. Сначала вырабатываются представления о направлении и дальности. Накоплены эмпирические данные о том, как в течение первых дней и недель постнатального существования новорожденный не сразу приобретает способность фиксировать взгляд на каком-то предмете, поворачивать голову по направлению к источнику звука. Появляется стремление дотянуться до предмета. Представление о дальности связано с двигательными усилиями, затрачиваемыми на достижение цели. При этом придается значение и времени, требующемуся на достижение цели, времени ожидания.

Что же происходит в процессе выработки временных и пространственных

представлений? Особь не создает время и пространство в своем сознании, но постепенно начинает придавать значение тому (и вырабатывать представления о том), с чем объективно приходится иметь дело. А именно, особь придает значение тому, что для достижения цели нужно преодолеть некоторое расстояние в определенном направлении, потратив на это некоторое время и силы и терпя некоторое ухудшение самочувствия ради достижения цели.

Кажется парадоксальным и трудным для понимания то, что особь на ранних стадиях психического развития видит и не видит, слышит и не слышит, осязает и не осязает. Эта парадоксальность и трудность устраняются, когда мы допускаем, что младенец уже имеет множество элементарных ощущений, зрительных, слуховых, осязательных и т.д., но еще не придает им значения, не делает их предметами внимания. Соответственно, он не «видит» и того, что более или менее развитым людям представляется отдельными «вещами» с множествами присущих им свойств. Взрослые видят отдельные вещи, а не гомогенный континуум. Однако у новорожденного и младенца, видимо, дело обстоит наоборот: целостный образ вещи должен сначала сформироваться, стянуться в единство из множества уже данных в элементарных ощущениях ее свойств.

Питание новорожденного связано с такими «вещами», как грудь, соска, человек; тепло связано с пеленками и одеждами, с прикосновением к человеческому телу (матери или кормилицы). Они должны стать значимыми для малыша. Нет оснований предполагать, что новорожденный имеет какое-то представление о «причинности», т.е. рассматривает человека как причину улучшения самочувствия, но здесь бессознательно действует «умозаключение» вида *post hoc ergo propter hoc*.

1.4. *Придание значения общению.* Далее должно развиваться умение новорожденного видеть разницу между людьми. Не все люди и не в равной мере доставляют новорожденному улучшение самочувствия. Обычно новорожденный

особое значение придает своей матери. Тем более, что ее голос, вероятно, уже знаком новорожденному по его дородовому существованию, хотя тогда голос матери доносился и воспринимался несколько иначе.

Новорожденный почти не имеет способностей для того, чтобы своими силами улучшать свое самочувствие. Однако довольно скоро он находит первое средство, позволяющее влиять на ситуацию, – крик. Поначалу непроизвольному своему крику новорожденный начинает придавать значение, поскольку замечает, что в связи с криком скорее появляются люди, с которыми связано улучшение его самочувствия. Крики новорожденного начинают выполнять сигнальную и знаковую функции, в них появляются особые интонации и модуляции, различаемые матерью и близкими людьми. Когда новорожденный придает значение своему крику, а также другим «средствам коммуникации», которые получили у специалистов по детской психологии название «комплекса оживления», он выходит на качественно новый уровень придания значений. В действиях малыша появляется опосредованность. Он придает значение средствам воздействия на те «вещи» (на других людей), которые обеспечивают ему улучшение телесного состояния, благодаря чему улучшается самочувствие.

У младенца появляется «досуг», время, когда он бодрствует, не испытывая нужды в утолении физиологических потребностей. Незанятое время бодрствования действует томительно, ухудшает самочувствие. Для улучшения самочувствия требуется какое-то занятие, причем не связанное с удовлетворением физиологических потребностей, поскольку они уже удовлетворены. Томительную пустоту бодрствования должна заполнить игровая активность. У младенца появляется шевеление конечностями, игра с предметами, игра со звуками, гуление, лепет, псевдо-слова («мама» и т.п.). Это всего лишь отдельные звуки, не являющиеся частью языковой системы, значит, не являющиеся и словами, хотя

они производят на окружающих определенное действие, и поэтому ребенок придает им значение сначала как игровым вещам, потом и как средствам воздействия на людей.

Предметно-опосредованная деятельность должна предшествовать у ребенка освоению речи и языка. Ребенок должен придать вещи некоторое значение прежде, чем обозначать эту вещь каким-то знаком, жестовым или словоподобным, голосовым знаком. Значение, приданное вещи, пристанет также и к обозначающему ее знаку. Хотя значение вещи и значение ее знака не тождественны; знак, в отличие от обозначаемой им вещи, имеет иное назначение: коммуникативное влияние на других людей (возможно также – на животных, растения и неживые вещи, как это имеет место при анимизме).

Значением знака, в том числе слова, является не сам обозначаемый им предмет, а приданное ему значение. К тому же слово имеет не только значение, но и смысл, состоящий в его соотношении с другими словами и всей языковой системой в целом, в его роли, функции, выполняемой в системе, среди других знаков. Вообще смысл чего-либо – это системная функция, роль (кого-то или чего-то) по отношению к другим и системе в целом. Одни и те же вещи, слова, люди приобретают в разных «контекстах» разные смыслы.

Когда ребенок в какой-то мере овладевает речью, речевая коммуникация играет важнейшую роль в дальнейшем придании значений чему-либо. Посредством речи ребенку сообщается выработанный другими людьми опыт придания значений вещам, отношениям, символам, знакам. Посредством речевой коммуникации индивид научается придавать значение тому, что далеко выходит за пределы его индивидуального опыта.

Индивид становится общественным существом, «субъектом социальных действий». Под обществом мы понимаем систему взаимного обеспечения людей. Ребенок уже до рождения включен в систему общественных отношений, т.е. в

систему взаимного обеспечения людей, но сначала в качестве объекта, а не субъекта общественных отношений. Младенец, ребенок уже живет в обществе, еще не придавая значения, не замечая множества вещей или отношений, которые важны для взрослых как субъектов общественных отношений.

2. Абстракция значимого вообще. В подавляющем большинстве лингвистических, психологических, логических, философских словарей понятие значения истолковывается лишь в связи со знаками, в качестве свойства знаков. Обычно утверждают, что значением знака является его денотат (обозначаемый им предмет или класс предметов) или сигнификат (понятийное содержание знака). Упоминают также коннотат как эмоциональную (эмотивную) и прагматическую добавку к основному значению. Как редкое исключение «Логический словарь-справочник» Н.И. Кондакова толкует это понятие применительно не только к знакам, но к неопределенному множеству объектов: значение – «то, чем данный объект является для людей» [3, с. 185]; правда, и у этого автора нет дальнейшей конкретизации содержания понятия.

В обычной, не научной речи под словом «значение» подразумевается существование, важность чего-то, степень этой важности, ее положительность или отрицательность. Это обычное значение слова «значение» богаче научного. Скорее оно представляет тот феномен, который нас интересует постольку, поскольку мы стремимся понять «значимость ценностей», о которых Риккерт не очень внятно заметил: «Насчет ценностей, рассматриваемых для себя, не нужно спрашивать, действительны ли они, но только *значат* ли они» [4, с. 21].

2.1. Общий термин для именованного значимого. Значения суть всегда значения чего-то. Необозримо многообразие того, что может иметь для нас значение, это и погода, и числовые уравнения, и дурное сновидение, и абстракция трансцендентального единства апперцепции, и комариный писк, и даже «ничто», по

отношению к которому, как заметил М. Хайдеггер, люди способны испытывать ужас.

Для использования в теоретическом исследовании нужен обобщающий термин, пригодный к обозначению всякого того, что может иметь значение. Имеется ряд таких слов, как «вещь», «объект», «явление», «феномен», «предмет», с довольно абстрактным содержанием и широким объемом, которые близки к тому, что требуется, но они все же не выдерживают проверки на пригодность. Предпочтение перед ними, пожалуй, следует отдать слову «представление».

Слово «вещь» не подходит потому, во-первых, что значения могут придаваться не только чему-то вещественному, но и невещественному, например, равенству, математическому или социальному, не являющемуся вещью. Во-вторых, мы придаем значения непосредственно представлениям о вещах, а не самим вещам. Разумеется, значения придаются также и самим вещам, но не иначе как через посредство представлений о них.

У слова «объект» имеются некоторые преимущества перед словом «вещь», но есть и недостатки. Объектом (внимания, обсуждения, исследования) может выступать как нечто вещественное, так и невещественное, например, психика, закон, стоимость товара. В данном отношении объем понятия «объект» шире, чем объем понятия «вещь», и в этом можно усмотреть его преимущество. Однако нельзя забывать о том, что объект и наши представления о нем – не (всегда) одно и то же. Мы усматриваем некие значения в зависимости от того, каким нам представляется объект, а представляться он может по-разному; соответственно, и значения ему будут придаваться разные. Это значит, что те или иные значения мы относим непосредственно не к объекту, а к нашим представлениям о нем. Это во-первых. Во-вторых, далее мы попытаемся рассмотреть, как нечто поначалу незначимое для нас становится значимым, т.е. рассмотреть генезис значений, чтобы уяснить их «природу». Но слово «объект» именуется то, чему уже

придано значение. Ведь «объектом» принято называть то, на что направлена деятельность субъекта, что уже выделено им, на что уже обращено внимание. По определению, без внимания (посредством субъективного акта) нет объекта. Нам же для исследования генезиса значений требуется нечто имеющееся в нашем представлении, но так, что мы еще не обращали на него никакого внимания, т.е. в полном соответствии с обыденным словоупотреблением – «не придавали ему никакого значения». Таковым может быть «незначительное представление». Как оно возможно – будет показано далее.

По сходным соображениям не годится для нашего исследования и слово «предмет». Оно предоставляет больше возможностей для оперирования им, чем слова «вещь» и «объект», поскольку не подразумевает непременно наличия «вещности» и «объективности». Согласно толкованию В.И. Даля, предмет – «все, что представляется чувствам: *предмет вещественный*, или уму и воображенью: *предмет умственный*» [5, с. 351]. Предметом можно называть почти все что угодно, в том числе нечто невещественное и вполне субъективное, поскольку таковое становится предметом внимания. И все же слово «предмет» означает то, на что уже обращено внимание и чему тем самым уже придано значение, но не то, в чем еще только может быть усмотрено хоть какое-то значение. В этом отношении оно подобно слову «объект», и его также приходится отклонить как неподходящее для решения наших задач. Поскольку необходимо исследовать генезис значений, сфера нашего рассмотрения должна охватывать как представления, еще не ставшие предметами внимания, т.е. которым еще не придано значений, так и представления, уже ставшие предметами внимания, т.е. которым уже приданы значения. Иначе говоря, нужно проследить становление представлений предметами внимания, т.е. процесс придания значений представлениям.

Остается еще испытать в качестве претендентов на роль требуемого термина слова «явление» и «феномен». На пер-

вый взгляд, возможность использовать их для обозначения того, в чем можно усматривать значения, выглядит привлекательно. Однако слово «явление» содержит в себе нежелательную многозначность. Им могут обозначаться как вещи или события, существующие или происходящие сами по себе помимо наших представлений, так и некие представления, явившиеся нам без непосредственного чувственного восприятия действительных вещей или событий. Для нас же, как уже сказано, важна именно данность в представлении – каким бы способом представление ни возникало. К тому же существует давняя традиция употреблять слово «явление» в паре со словом «сущность», которое означает нечто представленное посредством интеллигибельного постижения как то, что «стоит позади» явлений. Указанная многозначность не устраивала адептов феноменологии, сделавших ставку на слово «феномен», означающее в их терминологии само то, что непосредственно дано усмотрению, так что при таком подходе различие явления и сущности исчезает. М. Хайдеггер ювелирно ограничил понятие феномена, отделив его от видимости и явления и охарактеризовав его как *«само-по-себе-себя-кажущее»* [6, с. 28].

Разумеется, приверженцы феноменологии, как и все теоретики, вправе по своему уточнять содержание и объем понятий, как бы настраивая и заостря термины, используемые в качестве инструментов теоретического исследования, на обработку определенного умственного материала. Но они слишком увлеклись «закланием в скобки» всего иного, кроме феноменов как таковых, – настолько увлеклись, что у них (особенно у Гуссерля) выработалась привычка забывать о действительности, которая стоит позади феноменов и обуславливает их. Однако не доказано, что некие феномены – «чистые» – могут существовать как *causa sui*, причина себя, существовать в качестве необусловленных чем-то иным, «без предпосылок». «Заклание в скобки» предпосылок, обуславливающих феномены, – это лишь умственная проце-

дура, исследовательский прием, состоящий в абстрагировании от предпосылок феноменов, но не делающий феномены в действительности необусловленными иной действительностью и, таким образом, не являющимися (не репрезентирующими) эту иную действительность. Любой феномен являет (репрезентирует) собою некие иные «сущности» и не может на самом деле перестать быть явлением чего-то иного, того, что не есть он сам. Никто из представителей феноменологии несмотря ни на какие остроумные ухищрения никогда не выделит в чистом виде, как некую квинтэссенцию, «само-по-себе-себя-кажущее» – кажущее только себя и ничего кроме себя.

В нашем исследовании мы не будем использовать слово «феномен» в качестве общего термина для обозначения всего того, чему могут придаваться значения. Ведь тогда пришлось бы постоянно делать оговорки, чтобы это слово не воспринималось в феноменологическом смысле. Мы просто оставим в бездействии это слово вместе с феноменологическим мифом о «непорочном зачатии» феноменов.

Итак, то, чему может (непосредственно) придаваться значение, мы будем называть словом «представление», не забывая, что в представлении представлено нечто иное, возможно, существующее объективно и вещественно, которое так – опосредованно, через представление – становится значимым для деятельного существа.

2.2. Представления как то, чему могут придаваться значения. Философия и наука не могут – во всяком случае «пока» – вполне удовлетворительно объяснить «механизм», благодаря которому у нас возникают и существуют представления, и что такое «я», имеющее какие-то представления. Однако это не мешает пользоваться термином «представление» для исследования того, как мы придаем нашим представлениям какие-то значения.

Наше употребление термина «представление» согласуется с трактовкой И. Канта, который писал: «Родом является *представление* вообще (*repraesentatio*)»

[7, с. 326]. Далее Кант в виде градации перечислил понятия, подчиненные родовому понятию «представление». Это – «представление с сознанием», «ощущение», «познание», подразделяющееся на «созерцание» и «понятие», и указал на идею как «понятие, ...выходящее за пределы возможного опыта». Кант выстроил этот ряд терминов для того, чтобы показать в нем место «идеи», которая, таким образом, является лишь разновидностью среди «всевозможных видов представлений», а потому не следует всякое представление называть «идеей».

Наше употребление термина «представление» согласуется с характеристикой, данной Гегелем: «Представление, т.е. нечто как предмет в сознании, означает, что это содержание есть во мне, что оно *мое*» [8, с. 293].

Итак, «представление» – при логическом соотнесении этого понятия с иными – это род, к которому относится все представляющееся (нам или нами) тем или иным способом. Такое словоупотребление приходится обстоятельно оговаривать хотя бы уже потому, что классическая философская терминология, применимая к области представлений, в последнее столетие-полтора претерпела значительные изменения под влиянием эмпирической или «позитивной» психологии. Во избежание недоразумений нужно условиться о содержании термина «представление». В современных психологических словарях обычно слово «представление» [9, с. 406] противопоставляется слову «восприятие»: обоими словами обозначают психические, чувственные образы, но восприятием называют образы, возникающие при непосредственном воздействии вещей на органы чувств, а представлением – образы, возникающие благодаря припоминанию и воображению. Аналогичные определения даются и в современных философских словарях: представление – «наглядный чувственный образ предметов и ситуаций действительности, данный сознанию, и, в отличие от восприятия, сопровождающийся чувством отсутствия того, что представляется. Различают

представления памяти и воображения» [10, с. 334]. Такие определения по сравнению с теми трактовками, которые встречались в классической философии, резко сужают объем понятия «представление», делая его вместо рода всего лишь разновидностью «чувственного образа». Каким же словом можно было бы обозначать что бы то ни было *представляющееся* нам или нами? Такого слова в современном русскоязычном научном лексиконе, сложившемся под влиянием «позитивной» психологии, мы не находим, но оно необходимо для настоящего исследования. В таком случае уместно вернуться к прежнему значению термина «представление», исполнявшего определенную функцию и получившего признание у Канта и Гегеля в исследованиях трансцендентальной сферы.

Употребляемый здесь термин «представление» обозначает любые содержания сознания или психики невзирая на различие способов их происхождения, будь то непосредственное восприятие, или припоминание, или воображение, или понятие, в котором также нечто представлено. Такое словоупотребление не противоречит повседневной языковой практике, позволяющей называть представлением все, что так или иначе представлено нам или нами.

Второе существенное отличие употребляемого здесь термина «представление» от его трактовок в современных русскоязычных психологических и философских словарях состоит в том, что он не сужается лишь до наглядно-чувственного образа. Нечто представленное не обязательно представляется в наглядно-образной, созерцательной форме. Имеются такие представления, у которых нет наглядно-образных форм, таковы «благо», «бытие», «ничто», «справедливость», «число». Не имея наглядно-чувственных форм, они все же представляются нам или нами.

В-третьих, словом «представление» могут обозначаться не только субъективно-психические образования, но и объективные и представленные в вещно-материальной форме природные и соци-

альные отношения. Например, Николай Кузанский в формуле «все – во всем и каждое – в каждом» выразил мысль о том, что в каждой вещи представлены все прочие. К. Маркс в своей трудовой теории стоимости показал, что в стоимости товара представлен общественно необходимый труд для его производства. Открытие восьмой планеты Солнечной системы, Нептуна, состоялось в 1846 г. благодаря тому, что ее присутствие было представлено в возмущениях орбиты седьмой планеты, Урана.

Таким образом, значение термина «представление», используемого в настоящем исследовании, охватывает многие определения, выработанные в истории философии, и не сводится к зауженным трактовкам современных психологических словарей. Общим для многообразных видов представлений является то, что они выступают представителями того, чем они сами не являются: представление о доме является представителем дома, не будучи самим домом; представитель страны представляет страну, не будучи ею; стоимость товара представляет труд, общественно необходимый для его производства, не будучи сама этим трудом. Представление всегда есть «ответ» (блик, рефлекс) того, что само не есть это представление.

Поскольку речь заходит о представлениях, с одной стороны, и о том, что в них представлено (представителями чего они являются) – с другой, едва ли можно уклониться от вопроса, каково соотношение между ними. Это вопрос об истинности представлений, который, однако, лежит несколько в стороне от линии движения к непосредственной цели данной статьи и потому откладывается для других публикаций. Здесь можно кратко высказать некоторые соображения против притязаний так называемой «корреспондентной теории истины» и «теории отражения».

От вещей, с которыми деятельному существу приходится иметь дело, у него имеются представительства, называемые в обыденном русском языке «образами». Пока никому не удалось рационально объяснить, как в ходе физического кон-

такта чувствующего тела с иными вещами у этого тела появляются образы вещей и «что такое» эти представления-образы. Однако никто не может отрицать наличия у себя образов (представлений предметов). Сомнению может подвергаться существование подлинных вещей «позади» этих образов, но не наличие образов. Далее высказываются сомнения в том, являются ли эти образы «копиями», «отображениями» или «подобиями» вещей. Доказать, что образы (представления предметов) суть отображения, подобные оригиналам, т.е. самим вещам, принципиально невозможно. Но по сути дела совершенно не важно, имеется ли подобие между вещами и их образами (представлениями). Это только кажется, будто без такого подобия наши представления совершенно не соответствовали бы действительности и, следовательно, все наши «знания» – никакие не знания, а лишь обособленная от реальности игра воображения.

Для деятельного существа в какой-то мере безразлично, как, «каким образом» в его психике представлены вещи. Деятель рано или поздно, приобретая опыт, приравнивается к самим вещам и отношениям – независимо от того, «каким образом» они представлены в его психике. Например, как известно, на сетчатку глаза попадает перевернутое отображение предметов, тем не менее, мы видим реальность не «вверх ногами». К тому же если человеку ради эксперимента надеть на глаза переворачивающую оптику, то через какое-то время он опять-таки перестает воспринимать мир перевернутым. Другой пример – наши манипуляции перед зеркалом (бритье, прихорашивание, нанесение макияжа), которые в силу приобретаемой привычки совершаются верно несмотря на то, что видимое положение вещей зеркально перевернуто.

Разнообразные приборы, создаваемые людьми для получения представлений о вещах и ориентировки своей деятельности по отношению к ним, часто представляют нам вещи не так, как можно было бы воспринимать их естественными органами чувств (если такое воспри-

ятие вообще возможно). Локаторы, например, предоставляют зрению мерцающие точки и линии, но люди тем не менее видят на мониторах локаторов не просто мерцающие точки, а положения и перемещения самолетов, кораблей и косяков рыбы, т.е. изображениям на мониторе люди придают значения соответствующих вещей, несмотря на такой своеобразный способ представительства этих вещей в психике.

Свидетельством того, что деятельные существа способны приравниваться к вещам, представленным в восприятии разными способами, являются новейшие исследования и практические результаты в области протезирования органов чувств, вернее, рецепторов, прежде всего слуха и зрения. К настоящему времени значительные результаты достигнуты в реабилитации или абилитации слуха посредством кохлеарной имплантации. Внутренняя часть кохлеарного имплантата, внедряемая посредством хирургической операции в височно-затылочную часть черепа, представляет собой чип, электроды которого контактируют со слуховым нервом. Этот прибор преобразует звуковые колебания в электрические импульсы, подаваемые на слуховой нерв, и таким образом восполняет неработоспособность волосковых клеток слуховой улитки. Однако способность к слуховому восприятию, ориентации и пониманию речи появляется у пациента не в момент включения имплантата, а вырабатывается в течение длительного времени (нескольких месяцев или даже лет). Этот факт указывает на то, что подача сигнала на слуховой нерв не тождественна слушанию как деятельности. Человек или подопытное животное с кохлеарным имплантатом, чтобы слышать, должен научиться придавать значения представлениям, возникающим посредством вживленного устройства, прежде всего – обращать на них внимание, а затем – дифференцировать и интерпретировать.

Кроме кохлеарной имплантации возможно использование фокусированного ультразвука для абилитации слуха [11].

Этот метод, не требующий хирургического вмешательства, также демонстрирует, насколько разнообразны пути и средства, которыми могут образовываться в психике «представительства» вещей.

Сходным образом обстоят дела с реабилитацией или абилитацией зрения посредством «бионического глаза», компенсирующего недостаток рецепторов сетчатки – также посредством чипа, передающего электрические или химические импульсы на зрительный нерв [12]. И в этом случае животное или человек некоторое время осваивается, приравнивается к представлениям, получаемым благодаря имплантату, вживляемому под ретину. Имеются сведения о еще более «экзотическом» способе образования зрительных представлений посредством устройства «электрокожного зрения», которое подает электрические сигналы не на зрительный нерв, а на поверхность кожи [13].

Электронные протезы органов чувств пока значительно уступают естественным органам по эффективности, по тонкости дифференцирования оттенков свойств воспринимаемых вещей, хотя быстрый прогресс электронно-информационной техники позволяет рассчитывать в недалеком будущем на то, что бионические заменители органов будут не уступать естественным органам, а превосходить их. Конечно, деятельному существу не безразлично, насколько совершенны и эффективны его органы восприятия (естественные или искусственные), но в любом случае они позволяют деятелю иметь лишь представления о вещах, – иметь у себя их «представителей», никогда не тождественных вещам и все же репрезентирующих вещи и позволяющих деятелю практически сноситься с ними. Практическое достижение или недостижение целей при деятельности с вещами и среди вещей служит деятелю критерием достаточности или недостаточности его представлений о вещах и поводом для придания им значений и их переосмыслений.

2.3. *Представления незначимые и значимые.* На уровне обыденного мышления людям представляется, будто ве-

щи и существа, попадающие в поле восприятия, возбуждают определенные отношения к ним. Кажется, будто эти предметы сами по себе способны вызывать к себе влечение или отвращение, любовь или страх, восхищение или презрение, умиление или тревогу. Вещам примысливают способность детерминировать поведение человека посредством неких сил, физических, магнетических, суггестивных, магических. Кажется, будто банан сам по себе своим видом вызывает желание съесть его, будто вид лимона вызывает интенсивное выделение слюны, а вид змеи сам по себе вызывает испуг и отвращение.

Однако представления вещей в восприятии или воображении сами по себе ни к чему не побуждают деятеля. Сначала деятель должен придать некоторое значение представлениям, чтобы в дальнейшем они как уже значимые представления могли побуждать деятеля к чему-либо. Так, детей в городе специально приучают настораживаться при виде проезжей части улицы, а орангутангов в питомнике люди специально обучают бояться змей. Широко известные эксперименты И.П. Павлова по выработке «условных рефлексов» показали, что свет лампочки или звук звонка при определенных обстоятельствах могут побуждать подопытных к пищевому поведению. Правда, И.П. Павлов давал своим экспериментам физиологическую (по сути механистическую) интерпретацию, рассматривая подопытных как настраиваемые автоматы и не предполагая, что подопытные сами придают значения сигналам, т.е. проявляют спонтанность.

Из обыденного опыта известно, что человек может смотреть не видя, смотреть «отсутствующим взглядом», иметь в поле зрения какие-то предметы не замечая их, не выделяя, не придавая им значения. Аналогично человек может иметь слуховые восприятия, не слушая их, слышать речь, не слушая ее, не воспринимая ее смысла; он может иметь обонятельные восприятия, не замечая их; он может в задумчивости съесть что-нибудь вкусное или невкусное, не испытав удовольствия или отвращения; в пылу битвы он может по-

лучить телесное повреждение, не замечая боли. Эти наблюдения подтверждают, что вещи и их психические представления сами по себе не побуждают человека к определенной деятельности. Не представления предметов, а значения, приданные деятелем этим представлениям, побуждают к деятельности. Вещи и их психические представления сами по себе не имеют значений, пока деятель не придаст им каких-либо значений. Одна и та же вещь может иметь разное значение, например, для ребенка и взрослого. Ребенок способен ради забавы или любопытства испортить какую-нибудь вещь в доме, чрезвычайно ценимую взрослыми, не придавая ей того же значения, что и взрослые. Напротив, ребенок способен обратить пристальное внимание на такие вещи, которые взрослым неинтересны и неприметны.

Если представления о вещах можно в какой-то мере уподоблять «отпечаткам» вещей в сознании (такую трактовку давала «теория отражения», принятая в официальной советской философии), то значения, придаваемые представлениям, никак не являются «отпечатками» предметов. Значения производятся (создаются, порождаются) деятельными существами, а не просто запечатлеваются в их психике как если бы они были результатами воздействия вещей. Недостаток (или вовсе отсутствие) дифференциации представлений и побуждений в философских и психологических теориях не позволял осуществить анализ образования значений и способа существования. Говоря о представлениях, не принимали во внимание, что они значимые представления, а не просто «факты» как результаты беспристрастного отображения действительности и как содержания «атомарных высказываний».

2.4. *Придание значений представлениям.* Значение не вещь, но отношение деятельного существа к тому, что ему представляется. Наиболее абстрактное, бедное содержанием определение понятия «значение» таково: это – некое отношение деятельного существа к тому, что ему представляется. Но относиться к чему-то – это значит: быть или

стать безразличным к нему. Поэтому в самом общем смысле значение – это безразличие деятельного существа к тому, что ему представляется. Все, что становится предметом внимания, деятельного отношения, оказывается тем самым «нагруженным» значимостью.

Если некто придает тому, что ему представляется, какое-то значение, то в результате соответствующий объект-предмет-вещь не приобретает какого-то дополнительного объективного свойства. Значения придают не так, как будто к какой-то вещи присоединяется другая вещь или свойство; не так, как табурету можно придать зеленый цвет, покрывая его краской; не так, как пластилину можно придать форму шара. То, что вещи придано в качестве материала или формы, продолжает существование в качестве объективного свойства, независимого от субъекта деятельности, тогда как значение, придаваемое чему-то, имеется и имеет силу постольку, поскольку совершается деятельность по приданию этого значения, поскольку поддерживается, возобновляется, вспоминается это значение. Нет значения без деятельности по приданию и вспоминанию этого значения. Значения – нечто делаемое, создаваемое, не существующее вне «делания», как не существует ходьба вне ее «делания» и независимо от деятеля, осуществляющего ее.

Это деятельное существо, способное придавать чему-то значения и обращаться с этим чем-то соответственно придаваемым значениям, будем для удобства называть деятелем, под которым подразумевается существо, способное не просто действовать, но осуществлять деятельность, действовать намеренно. Некоторые для выражения аналогичного понятия используют латинское слово *actor*, «актер».

Не всякое действие является деятельностью. Так, камень, лежащий на земле, действует на нее своим весом, но при этом он не осуществляет какую-либо деятельность и не является деятелем. Напротив, человек, давящий на землю с намерением уплотнить ее, осуществляет деятельность и проявляет себя как дея-

тельное существо. Камень – тело только действующее, человек – еще и деятельное. Деятельность отличается от просто действия тем, что она опосредована намерением, имеет намерение своим условием и причиной.

Действия являются намеренными, т.е. деятельностью, когда они обусловлены двумя факторами: 1) побуждениями, испытываемыми деятельным существом, и 2) представлениями этого существа об обстоятельствах деятельности. Поэтому можно сформулировать следующие дефиниции. *Деятельность* – это активность существа, которая обусловлена его собственными побуждениями и представлениями. Соответственно, *деятель* – это существо, осуществляющее деятельность, т.е. проявляющее активность, основанную на его собственных побуждениях и представлениях.

В качестве деятелей мы знаем прежде всего самих себя, людей. Деятельными нам представляются также многие живые существа, организмы, относительно которых мы уверены, что они способны, во-первых, испытывать некие побуждения (голод, усталость, боль) и, во-вторых, иметь представления об обстоятельствах деятельности. Пока не ясно, возможны ли кибернетические создания, которые могли бы соответствовать понятию деятеля.

Причины деятельности принадлежат самому деятелю, т.е. никакие внешние воздействия на деятеля как организменную систему, целое не являются сами по себе непосредственно причинами деятельности. Внешние воздействия должны сначала обусловить субъективные переживания деятеля и представления о предметах, чтобы затем деятель сам, исходя из своих собственных побуждений и представлений, а не по причине внешних воздействий как таковых осуществил некоторую деятельность.

Некоторые действия совершаются обычно произвольно, автоматически, рефлекторно. Например, веки глаз произвольно смыкаются, моргают, когда к глазам что-то приближается; рука произвольно отдергивается от чего-то

обжигающего или колющего. У новорожденных имеются сосательный и хватательный рефлексы, срабатывающие, по всей видимости, непреднамеренно, непроизвольно. В этих примерах действия совершаются деятелем, они целесообразны, однако в них нет преднамеренности. Итак, даже у существа, несомненно способного к деятельности, не все его действия представляют собой деятельность, несмотря на их видимую целесообразность.

Побуждения и представления деятельного существа, взятые в их единстве, – необходимые и достаточные условия осуществления деятельности. Побуждения без представлений или представления без побуждений могут обуславливать действия, но не деятельность.

С одной стороны, побуждение без связанных с ним представлений не может само по себе обеспечить намеренность действий. Такие побуждения испытываются живыми существами как беспредметная, неопределенная в предметном отношении напряженность. Всем знакомы из собственного опыта переживания беспредметной тревоги, неудовлетворенности. Бывает, например, что человек испытывает смутное беспокойство, и он не сразу догадывается, что он всего лишь «забыл» поесть. Беспокойство само по себе не указывает предметного ориентира и не обуславливает деятельность как намеренно ориентированные действия. Побуждение, не сопряженное с определенным представлением предмета, вызывает только хаотичную подвижность, но не предметно ориентированную деятельность.

С другой стороны, представления без побуждений не могут сами по себе обеспечить намеренных действий, т.е. деятельности. В представлениях как таковых, возникающих благодаря восприятию или воображению, нет какой-то «побуждающей силы». Когда деятельное существо имеет некие представления, они сами по себе ни на чем не настаивают, не зовут и не требуют, чтобы их выделили, заметили, приняли во внимание, придали значение и чтобы по отношению к ним

были совершены некие деяния. Так, поле нашего восприятия всегда содержит великое множество предметов, представленных посредством зрения, слуха, осязания, обоняния, которым мы не придаем особого значения, т.е. имеем представление, не обращая на них внимания, оставаясь безразличными к ним. Однако представления, не сопряженные с побуждениями, все же могут обуславливать действия, которые не являются намеренными и, таким образом, не являются деятельностью. Всевозможные непроизвольные движения, действия, происходящие автоматически, относятся к их числу, например, моргание, при котором некий приближающийся к глазам предмет успевает вызвать представление, за которым следует действие, прежде чем созреет некое намерение.

Итак, резюмируем: опираясь на обычный общеизвестный опыт и его анализ, можно констатировать, что бывают побуждения, не сопряженные с представлениями, и представления, не сопряженные с побуждениями; и те и другие порознь друг от друга могут вызывать действия, но не деятельность. Побуждения и представления – два фактора, необходимые для осуществления и ориентации деятельности, но недостаточные для деятельности, если они не сопрягаются между собой. Действия, не ориентированные побуждениями и представлениями в их единстве, не являются деятельностью. *Намеренность* как атрибут деятельности есть ее ориентированность побуждениями и представлениями в их единстве.

3. Побуждения к деятельности. Представления и побуждения – это две идеализации, которые составляют в развиваемой здесь концепции генезиса значительный то, что в методологии науки принято называть термином «теоретический базис». Если экспликация термина «представление» потребовала от нас тщательной проработки, то со вторым термином – «побуждение» – дело обстоит несколько проще, поскольку это слово не представлено в качестве термина в философских и психологических словарях, и поэтому

не требуются особые оговорки насчет его значения, которое будет проясняться по ходу изложения.

3.1. *Побуждения как феномены.* Побуждения мы не находим во внешней действительности как некие вещи, доступные наблюдению, как, впрочем, не находим мы во внешней действительности и психических представлений. Но если представления можно некоторым образом рассматривать как «отпечатки» или «отражения» вещей, то побуждения уж наверно не являются «отпечатками», «отражениями» или «представителями» вещей. Они способны возникать спонтанно, без каких-либо воздействий извне. Мы можем в качестве мысленного эксперимента вообразить себе живое существо, самих себя, например, помещенным в «абсолютную пустоту», чтобы понять, что полное отсутствие вещей ничуть не помешает этому подопытному, испытывать некие побуждения, как удушье, холод, голод и, может быть, *horror vacui* (боязнь пустоты).

Побуждения – это *феномены* в той отчетливой определенности этого термина, какую придал ему М. Хайдеггер. Феномены – то, что кажет себя в себе самом, «себя-само-по-себе-кажущее» [6, с. 31]. Иначе говоря, побуждение как феномен – это такая психическая данность, которая не есть явление («отпечаток», «отражение», «представление») нашему сознанию чего-то другого, какой-то вещи или предмета. Позади феномена – в трактовке Хайдеггера, в отличие от Кантовской трактовки – нет какой-то вещи, которая бы его «аффицировала».

Побуждения как некие психические данности, переживания, характеризуются тем, что они – в отличие от «чистых» (незначимых) представлений предметов – понуждают действовать. В некотором смысле можно было бы сказать, что побуждения – это «причины» деятельности, что деятельность совершается «вследствие» них. Однако такое суждение без оговорок и уточнений было бы упрощением, огрублением сути побуждений.

Если в связи с побуждениями речь идет о причинности, или детерминизме, то это не механическая причинность.

3.2. *Побудительная детерминация.* К настоящему времени сформировались представления о множестве видов детерминации. В классической механике импульс, подействовавший на некое тело, предопределяет следствия этого воздействия, например, в каком направлении и с какой скоростью переместится тело, или какие деформации произойдут в нем, или какие последуют преобразования энергии. Напротив того, побуждение как «причина» не предопределяет, какие действия предпримет деятельное существо, испытывающее его, и даже предпримет ли оно вообще какие-то действия. Так, побуждения, называемые «голодом», «болью» или «половым влечением», могут не повлечь за собой никаких последствий или повлечь маловероятные, неожиданные, непредсказуемые последствия. Человек, испытывающий голод, может поискать что-нибудь пригодное для питания или добыть пищу охотой, или выпросить у кого-то, или отнять, или намеренно воздержаться от питания и довести себя до голодной смерти.

Говоря о деятельном поведении человека и его движущих силах, используют разные трактовки детерминизма. Так, М.Г. Ярошевский изложил последовательность применявшихся и применяемых в психологии разновидностей принципа детерминизма: предметно-механический, механический, биологический, психический, макросоциальный, микросоциальный детерминизм [14]. В суждениях о движущих силах поведения используют также понятия «свобода воли», «свободная причинность», «целевая причинность», выражающие тенденцию к индетерминизму, частичному или полному отрицанию необходимой связи причины и следствия.

Поскольку речь заходит о побуждениях как «движущей силе» деятельности, постольку уместно применение понятия побудительного детерминизма. Его характерные особенности заключаются в

том, что побуждения не причиняют определенных следствий, как в механике, а понуждают к действиям, при этом не predetermined ни цель, ни способ деятельности. Поскольку побуждениями не predetermined даже цель как нужный, требуемый или «должный» предмет, постольку побудительная детерминация не подходит и под понятие телеологии или целевой причинности. Побуждения сами по себе не имплицитно определяют следствий, а понуждают деятельное существо к разрешению переживаемой им напряженности, они «нудят» (обращаем внимание на различие слов «нудить», т.е. принуждать, и «нудить», т.е. нудно говорить).

3.3. Формирование предметной определенности побуждений. Своей нудностью побуждения принуждают деятельное существо к поиску чего-то сначала неопределенного, действия или предмета, способного снять нудное переживание. Первоначальную неопределенность своих побуждений люди выражают примерно такими словами: «Мне чего-то хочется, а чего – не пойму»; или: «Мне как-то не по себе», «Мне что-то нейдет». Побуждение, уже нудящее, но еще не определенное в предметном отношении, должно «встретить» свой предмет, чтобы получить посредством него свою предметную определенность. О таком событии встречи деятельного существа, испытывающего неопределенное побуждение, с неким предметом писал А.Н. Леонтьев: «Предпосылкой всякой деятельности является та или иная потребность. Сама по себе потребность, однако, не может определить конкретную направленность деятельности. Потребность получает свою определенность только в предмете деятельности: она должна как бы найти себя в нем. Поскольку потребность находит в предмете свою определенность (опредмечивается в нем), данный предмет становится мотивом деятельности, тем, что побуждает ее» [15, с. 312]. «Встреча потребности с предметом есть акт чрезвычайный. Он отмечался уже Ч. Дарвином, о нем свидетельствуют некоторые данные И.П. Пав-

лова; о нем говорит Д.Н. Узнадзе как об условии возникновения установки, и его блистательное описание дают современные этологи. Этот чрезвычайный акт есть акт опредмечивания потребности – «наполнения» ее содержанием, которое черпается из окружающего мира» [16, с. 88].

Если взять, к примеру, побуждение, которое мы осознаем и определяем как «голод», то для индивида в начальном периоде его существования оно не имеет предметной определенности, не идентифицируется им как потребность съесть нечто съедобное. Сначала это – некое нудное, нудящее переживание, не привязанное в психике деятельного существа ни к каким конкретным представлениям и действиям. Первые события встречи и поглощения пищи имеют для новорожденного существа случайный характер, поскольку получение пищи не представляется как цель, имеющая определенный предметный вид. Соответственно, и нудящее переживание не опознается как «голод», потребность поесть. Только благодаря встречам индивида с предметами, снимающими нудные переживания, индивид начинает придавать определенное значение таким предметам, выделять их среди предметного континуума и впредь он уже заранее будет ожидать от таких предметов, что они избавят от нудных переживаний, поэтому он будет стремиться к таким предметам как определенным целям. В дальнейшем к тому же будет происходить дифференциация нудящих переживаний по мере развития у индивида понимания, что в одних случаях нудные переживания снимаются одними действиями и предметами, а в других – другими. Именно благодаря различию предметов, снимающих нудные переживания, вырабатывается способность различать более или менее отчетливо и разные виды нудящих переживаний, т.е. побуждений.

Правда, из повседневного опыта известно, что нудные переживания, возникающие по разным поводам и потому, казалось бы, должны быть различными,

могут побуждать обращаться к одним и тем же средствам их снятия; например, человек, морально огорченный неурядицами в отношениях с другими людьми, может пытаться снять свое нудное переживание так же, как и голод, – при помощи еды. Особая неразборчивость в средствах снятия нудящих переживаний наблюдается у младенцев и начинающих ходить детей, которые тянут в рот что попало, без различия съедобности и несъедобности. Это явление, пожалуй, объясняется тем, что младенец, уже поняв, что предметы, попадающие в рот, способны приносить удовлетворение, применяет выработанный образ действия к самым разным вещам. Устоявшаяся неразборчивость ребенка к вещам, принимаемым в рот, может обернуться явлением, которое в детской патопсихологии называют «извращенным аппетитом» [17].

3.4. *Два способа придания значений представлениям.* Не всем представлениям придается значение. Но если чему-то значение придается, то это совершается двумя способами, которые различны в основаниях, по которым придается значения. В одних случаях таким основанием является непосредственно самочувствие деятельного существа, в других – функция, роль предмета по отношению к другим предметам, которым уже придано значение.

1) *Придание значений предметам по самочувствию.* Этот способ придания значений заключается в соотнесении наших самочувствий с какими-либо предметами, способными, как представляется, влиять на них. Самочувствием здесь называется актуальная, действенная в данный момент, совокупность нудящих переживаний какого-либо существа. Некоторые нудящие переживания нам хочется продлить или прекратить, усилить или ослабить. Но одного лишь хотения повлиять на свои переживания обычно бывает недостаточно, и чтобы действительно повлиять на них, нужны какие-то действия и средства, но какие именно – обычно это выясняется в поиске с пробами и ошибками. Изменения, происходящие в нашем самочувствии,

нередко мы связываем с предметами какого-то вида ошибочно. Дальнейшая практика может подтвердить или опровергнуть предположенную связь. Но в любом случае, когда мы связываем изменение своего самочувствия с действиями и предметами какого-то вида, мы тем самым придаем некоторое значение этим видам действий и предметов.

Слово «самочувствие» в контексте нашей теории звучит несколько необычно. В повседневной речи им пользуются врачи, спрашивая у пациентов о скрытых от объективного наблюдения переживаниях и ощущениях, или родственники и знакомые, совершая при встрече ритуал проявления внимания друг к другу. Поскольку слово «самочувствие», включаясь в теорию, становится термином, нелишни будут некоторые пояснения. Главное, о чем нужно условиться, что понятие «самочувствие» не следует отождествлять с понятием «состояние организма». Состояние организма можно изучать объективными методами, не имея представления о его самочувствии. Что же касается самочувствия, то оно открыто только мне самому, переживается мною. Другие могут всего лишь судить по каким-то признакам о моем самочувствии и даже сочувствовать, но ни в коем случае не переживать непосредственно мое самочувствие. Оно, если воспользоваться выражением М. Хайдеггера, – *Jemeinigkeit*, «всегда-мое» [6, с. 53]. Это во-первых. Во-вторых, многие нудящие переживания связаны с состояниями «меня самого» в целом, а не состояниями только организма, понимаемого как физиологическая или биологическая система. Тракуемый подобным образом «организм» – только абстракция, аспект «меня самого», но не весь «я сам». Мне в моей целостности доступны такие переживания, как удивление, гордость, растерянность, обида, которые уж никак не являются проявлениями организменных состояний.

Конечно, для науки вопрос о каузальных связях переживаний с состояниями организма – очень важный вопрос, в котором наука пока мало продвинулась, но для разработки нашей теории он несуществен; нам достаточно лишь констатиро-

вать факт наличия у нас нудящих переживаний, обозначив их совокупность термином «самочувствие» – независимо от разгадки «механизмов» связи между самочувствиями и организменными состояниями.

Исходя из собственного самочувствия, мы можем придавать значения тому, что, предположительно, способно влиять на состояния и изменения нашего самочувствия. Значения, придаваемые чему-либо по нашим самочувствиям, могут диссонировать со значениями, придаваемыми по функциям. Например, по пав под дождь и испытав дискомфорт от сырости и холода, мы, скорее всего, придадим ему по своему непосредственному самочувствию значение нежелательного предмета. Однако, понимая положительную роль дождя по отношению к росту растений или прекращению лесных пожаров, мы ввиду этих функций придадим дождю значение желательного события. Или, к примеру, какой-то человек нам может быть чувственно неприятен, антипатичен, однако мы стараемся ужиться с ним ввиду его функциональной значимости.

2) *Придание значений предметам по их функциям.* Этот способ придания значений заключается в понимании функции, которую некий предмет выполняет по отношению к другим предметам или системе. Понимание функции предмета, его роли в каких-то событиях может достигаться «отстраненно», без прямого соотнесения предмета с нашими самочувствиями.

Таким способом мы придаем значения, например, вещам, которыми мы орудуем, осуществляя какие-то свои намерения. Так, основное значение ножа – его функция – состоит в том, чтобы резать или колоть им что-то. Орудия могут использоваться не только по своему основному назначению, но и для выполнения иных функций, подчас необычных и неожиданных: нож может послужить закладкой в книге, а его полированный клинок может быть использован как зеркало. Это показывает, что какое-либо значение не является свойством вещи,

но придается ей, хотя и с учетом ее собственных свойств.

Функциональное значение придается не только вещам, вовлекаемым в орудийную деятельность. Такого рода значение мы приписываем предметам всякий раз, когда усматриваем (возможно, ошибочно) их роль в каком-то событии.

Важная особенность второго способа придания значения предметам (по их функциям) состоит в том, что им придается значение постольку, поскольку нам представляется, что они играют какую-то роль по отношению к тем предметам, которым мы уже придали значение – иначе они были бы нам безразличны и незначимы. К примеру, нам встречаются многие виды жуков, которых мы едва отличаем друг от друга, и не знаем их названий, поскольку они не играют существенной роли в нашем существовании, однако многие знают и отличают колорадских жуков, потому что вред от них для картофелеводства огромен. Таким образом, колорадским жукам придается существенное значение только потому, что они влияют на другой предмет, картофель, которому уже придано значение как важному продукту питания.

Заметим, что придавать значения предметам, понимая их функции по отношению друг к другу без прямого их соотнесения со своими самочувствиями, могут не только люди, но и многие другие живые существа, животные. В наблюдениях этологов зафиксировано множество фактов, когда животные орудуют какими-либо вещами для достижения своих целей, проявляя таким образом свои способности к пониманию функциональных или причинно-следственных отношений между вещами. Такие способности не сводятся к непроизвольным «врожденным реакциям». Это следует иметь в виду, поскольку нередко животным несправедливо приписывают способность действовать только под влиянием собственных самочувствий или слепых инстинктов и рефлексов без какого-либо понимания функциональных отношений между вещами.

Значительной части вещей, существ, ситуаций, встречающихся в повседневной жизни, уже придано какое-то значение. Люди не столько индивидуально придают значения предметам, сколько усваивают значения от других людей в ходе общения, обучения, обмена мнениями: значения множества предметов хранятся, передаются, воспроизводятся в общественном сознании.

То обстоятельство, что функциональные значения предметам придаются только ввиду их связи с уже значимыми предметами, т.е. опосредованно, требует далее изучить вопрос о том, как впервые придается чему-то значение – без опосредования их уже значимыми предметами. Ведь понятно, что не будь способа непосредственного придания значений (по самочувствию), был бы невозможен и второй способ придания значений предметам по их функциям по отношению к уже значимым предметам.

Конечным основанием придания значений является колебание самочувствия деятельного существа по оси «хуже–лучше». Но при этом дело не сводится к гедонистическому принципу удовольствия и неудовольствия, так как его же собственное удовольствие для него может быть хуже, а неудовольствие лучше. Так, для калана таскать с собой камень, которым он орудует, раскалывая, например, раковины, хотя и обременительно, однако лучше, чем остаться без камня.

Заключение. Вышеизложенные соображения о начале генезиса значений представляют собой часть обширного исследования, которое в системно-целостном виде можно обозначить как «теорию значений», а она в свою очередь является основой для «теории оценивания», или «эстиматики». Вся эта разработка задумана изначально с целью разрешения проблем теории ценностей, или аксиологии. Этот раздел философии интенсивно разрабатывался в 1890–1920-е годы. С тех пор интерес к философии ценностей не прекратился, но нерешенные в тот «классический» период проблемы относительно онтологического статуса ценностей, их природы и существа по-

прежнему дают поводы для критического отношения к философии ценностей в целом.

Автор этой работы предпринял попытку сосредоточиться на понятии значений, рассчитывая таким путем конкретизировать понятие ценностей. В процессе исследования стало проясняться, что не значения и оценки должны обуславливаться ценностями, как полагали неокантианцы, а наоборот – ценности (как социально легитимированные предпочтения) производны от значений и актов оценивания.

Несмотря на вполне ожидаемые упреки в «психологизме», «психологическом натурализме» и якобы неизбежно вытекающем из них релятивизме, особенно нестерпимом для специалистов по этике, автор счел оправданным принять самочувствие (точнее, его изменения по оси «лучше–хуже») в качестве первоосновы генезиса значений и показать, как на этой основе последовательно развертываются процессы придания значений множеству различных представлений. Ревнителям «антипсихологизма» следует заметить, что понятие самочувствия отличается от таких предлагавшихся ранее оснований для теорий ценностей, как чувство удовольствия и неудовольствия, интерес, потребность.

Одним из важнейших новшеств предлагаемого исследования является дифференциация двух способов придания значений: по самочувствию и по смыслу. Причем смысловое придание значений хотя и образуется на почве значений по самочувствию, однако не редуцируется к ним. Последнее обстоятельство должно снимать ожидаемые упреки в «психологическом натурализме».

Литература

1. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
2. Курило, Л.Ф. Развитие эмбриона человека и некоторые морально-этические проблемы методов вспомогательной репродукции / Л.Ф. Курило // Проблемы репродукции. – 1998. – № 3. – С. 39–49.

3. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1976. – 720 с.
4. Rickert, H. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft / H. Rickert. – Tübingen: Verl. von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1926. – XV, 144 s.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] В.И. Даля. Ч. 1–4. – М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1866. – 4 т.; 29. П. – 1865. – [2], 508 с.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. [с нем. и примеч.] В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
7. Kant, I. Werke in zwölf Bänden / I. Kant. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. – Bd. 3. – 340 s.
8. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1976. – 532 с. – Т. 1.
9. Большой психологический словарь / [Авдеева Н.Н. и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 666 с.
10. Лекторский, В.А. Представление / В.А. Лекторский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 3. – 692 с.
11. Вартанян, И.А. Коснуться невидимого, услышать неслышимое. Действие фокусированного ультразвука на органы чувств / И.А. Вартанян, Е.М. Цирульников. – Л.: Наука, 1985. – 143 с.
12. Palanker, D. Design of a high-resolution optoelectronic retinal prosthesis / D. Palanker, A. Vankov, P. Huie, S. Vaccus // Journal of Neural Engineering. – 2005. – № 2. – P. 105–120.
13. Демирчоглян, Г. Скорая победа над слепотой / Г. Демирчоглян // Техника – молодежи. – 2000. – № 2. – С. 52.
14. Петровский, А.В. Основы теоретической психологии: учеб. пособие для студентов вузов / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 525 с.
15. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – 4-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.
16. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
17. Мэш, Э. Детская патопсихология. Нарушения психики / Э. Мэш, Д. Вольф. – СПб.: Прайм-Еврознак; АСТ, 2007. – 511 с.

Поступила в редакцию 16.11.2012 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.